

С.И. Некрасов
(БелГУ, Белгород)

Проблема рациональности в творчестве Н.Н. Страбова

В творчестве интересного и оригинального русского философа XIX в. Н.Н. Страбова, одной из ведущих проблем творчества были вопросы рациональности. На его мировоззрение в начальный период деятельности оказала философия Гегеля. На этом этапе он считал себя последователем Гегеля. Будучи увлеченным общим рационалистическим

движением эпохи 60-х годов он считал себя рационалистом. Страхов пишет, о том, что Гегель возвёл философию на степень науки, поставил ее на незыблемом основании и если его система должна бороться с различными мнениями, то именно потому, что все эти мнения односторонни, исключительны. Он преклоняется перед великим немецким философом за то, что его философия была синтезом рациональности и религиозности.

Н.Н. Страхов связывал «торжество рационализма» с западной культурой, которую он, как сторонник почвенничества, внутренне отторгал от себя. Его философское убеждение тяготело к славянофильству. Поэтому одна из причин отвержения рационализма связана у Н.Н. Страхова с утверждением русской национальной самобытности. Увлечение почвенничеством завершается у него отрицанием западного секуляризма.

Противопоставляя западному рационализму религиозный антропоцентризм, он пытается обосновать идею о том, что загадка вселенской эволюции кроется в человеке, и природа лишается смысла эволюционного развития без появления человека. Тем самым, сущность бытия человека он противопоставляет достижениям западной науки и культуры, основанной на рационализме с ее секулярными идеями. Но поиски религиозного обоснования и осмысления культуры у Страхова останавливаются на полпути. В его творчестве причудливо сочетаются элементы рационализма, упование на ум человека, заключающего в себе тайну мироздания, с устремлениями к мистике. Ведь кто себя стремится так резко отличить от остального бытия? Конечно дух. Кто снимает с себя оболочку за оболочкою, кто устанавливает и отрицает от себя понятия механики и физики, кто проносится по всем небесам и не находит себе подобия в их однообразии мертвого механицизма? Конечно, дух. Иногда мы готовы жаловаться, что перед взором науки все мертвеет, всюду являются неизменные стихии и неизменные законы. Но ведь все это есть прямая работа духа, и смысл ее в том, что он не хочет признавать живым то, что не заслуживает этого названия, что он истинную жизнь признает только за собой. Познание есть, в известном смысле – отрицание, понижение, удаление от себя того, что познается.

Страхов отвергает мысль Гегеля о том, что природа есть инобытие духа, идеи, считая, что идея тождества мышления и бытия аналогично признанию права мысли вмешиваться в жизнь людей, ломать ее или ограничивать ее по своему произволу. Разум ограничен в своих компетенциях – в этом главное средство самосохранения человека. Диалектический метод гегелевской философии он оценивал весьма высоко, видел в нем истинно научный метод.

Уходя от рационализма, Н.Н. Страхов тем не менее не приходит к эмпиризму. Он пишет, что полный эмпиризм есть, в сущности, дело ужасное. Наше Я – субъект, который никогда не сможет стать объектом; эмпирическая психология ошибается, подводя наше Я под то понятие, под которым рассматривает все другие исследуемые ею явления, то есть под понятие идеи, представления.

В полемике с дарвинистами (прежде всего с Тимирязевым) и с западниками Н.Н. Страхов выступает в защиту рационализма. Несмотря на свое несогласие с ним, Страхов стремится найти его причины и усматривает их в «жажде новой истины», когда отречение ученых от прежних знаний является не случайным процессом, а результатом длительных и мучительных духовных исканий. Он приходит к выводу, что, когда старые знания не приносят удовлетворения, ученый оказывается перед выбором: следовать ли испытанным путем получения истины или идти новым, неизвестным путем. Причина увлечения спиритизмом кроется в неотъемлемых правах свободной человеческой мысли, которая стремится к безграничному исследованию мира, что является единственной реальной надеждой на его улучшение. Нет ничего интереснее, как исследование заблуждений, – пишет Страхов, – ибо оно ведет к познанию самой глубокой стороны человеческого существа. Если человек противоречит логике, действует вопреки ясной несомненности, то его вынуждает к этому, очевидно, какая-нибудь важная, непобедимая потребность. Предрассудки и заблуждения – это какое-то творчество, постоянно живое в душе человека, имеющее корни в самом ее существе.

Рационалистическая картина мироздания оказывается тесной для человеческого ума. Он требует выхода за пределы целостной, гармонической системы и стремится чем-то «восполнить рационализм». Страхов приходит к выводу, что человек постоянно, почему-то, враждует против рационализма, поэтому отдать себе отчет в этой вражде есть величайшая задача мысли.

С одной стороны, Страхов пытается ограничивать рационализм, но с другой стороны, понимает, что само расширение законных пределов науки преувеличивает ее значение, что связано, прежде всего, с запросами не столько разума, сколько с требованиями человеческой души. Расширение сферы науки ведет к непреодолимому желанию объяснить все явления природы и жизни при помощи логики. Невозможно это исполнить до конца и без ущерба ведет к разрушению веры в науку, подрывает ее основы, рождая неуверенность в непогрешимости ее аксиом и законов, что, в свою очередь, рождает скептицизм и пессимизм. Отсюда следует вывод ученого: наука не должна претендовать на безграничное влияние, иначе она будет ниспровергнута историческим процессом. Наука должна отказаться от своих притязаний на свое совершенство, что приводит к тому, что люди перестают признавать постоянство и неизменность чего бы то ни было, и думают, что все можно переделать и усовершенствовать.

Как разум человека обречен, по мысли Страхова, на ограниченность, так и наука обречена на растворение в неопределенности, ибо наука не объемлет того, что для нас всего важнее, всего существеннее, не объемлет жизни. Вне науки находится главная сторона нашего бытия, то, что составляет нашу судьбу, то, что мы называем Богом, совестью, нашим счастьем и достоинством.

По глубокому убеждению Страхова, человек испытывает непреодолимую потребность в откровениях другого порядка, что не может предложить наука. Поэтому не следует отказываться от нее или разрушать ее. Надо научиться от одной умственной деятельности переходить к некоторой другой, очевидно высшей. Наукой нельзя исчерпать всего сущего, познание не бывает абсолютно полным, ибо есть реальности, которые не укладываются в рамки логических заключений, догм и теорий. Так же и философия не должна перестраивать жизнь и мир на свой манер или выворачивать его наизнанку. В его словах звучит опасение, что могут появиться непогрешимые «учителя», которые возжелают перестроить жизненные устои. Отсюда его вера в необходимость существования «вечных истин» и «общих авторитетов», то есть «непоколебимых основ знаний». Он пишет, что если мы отвергнем всякие убеждения, то нам придется скорбеть, как единому разумному среди толпы умалишенных, ибо люди ни за что не хотят оставить свои убеждения. Он остерегается: не стремись признать себя «единственно разумным» среди себе подобных – это грех.

Ему присуще двойственное толкование телеологии: с одной стороны, в самом организме человека заключено стремление сохранить известный тип, увеличить число его представителей, но даже ряд новых и новых попыток осуществления этого типа, воплощения его в более полной и лучшей форме, а с другой стороны – это потребность мира породить мир психического с его стремлением «просветлеть» в мышлении.

Философскую позицию Страхова по вопросам рациональности можно кратко определить как объективный идеализм с религиозной трактовкой антропологизма, что создает весьма неординарную философскую конструкцию его мировоззрения, определить смысл которой одним словом исследователи его творчества не решились. Однако, несомненно, что философское творчество оригинального русского мыслителя требует не только его широкого опубликования (что существенно сковывает желание ученых к исследованию его наследия), но и серьезного и глубокого осмысления. И одно можно с уверенностью сказать: малая исследованность творчества Н.Н. Страхова не дает основания обвинять его в том, что «двойственность», доходящая до «криводушия» находит свое объяснение в этом «промежуточном» положении мыслителя, которое он занимает в истории русской мысли.